

Павел Парфин

Гемоглобов

Павел Парфин
Гемоглобов (сборник)

«Автор»

2014

Парфин П.

Гемоглобов (сборник) / П. Парфин — «Автор», 2014

Книга Павла Парфина «Гемоглобов» – молох, наркотик и виртуальная реальность. В книгу вошли три новеллы: «Гемоглобов», «Будильник Палермо» и «Сид Вишес и протоархонт». Их герои – неразлучные друзья, молодые люди Эрос, Кондрат, Палермо и Ален. Конец 90-х. Отец случайно знакомится с дневником дочери. В нем – неожиданная история о компании молодых людей, о любви Эроса и Ален, о новом странном интернете – Гемоглобове, в сети которого смешивается не информация, а кровь пользователей. Разборки между молодежью, холодящие кровь путешествия в кровавых мирах Гемоглобова, необыкновенные перевоплощения друзей один в другого, жестокая философия, убийство подростка, реальная кровь и виртуальная реальность, испытания совести и любви... А в конце – неожиданная развязка («Гемоглобов»). Герой другой новеллы, Палермо, создает экзистенциальное радио времени, которое переносит парня в виртуальный ад, где молодой человек осознает себя, кто он есть на самом деле, после чего дает отпор дьяволу и возвращается в реальный мир («Будильник Палермо»). В третьей истории рассказывается о гастролирующей выставке восковых диктаторов, с которой Кондрат похищает удивительную восковую книгу, якобы принадлежащую культовому в 70-е годы рок-музыканту Сиду Вишесу. После дерзкой кражи с Кондратом происходит нечто, сравнимое с шоком, – это состояние обращает его память к запредельным глубинам, окрашенным гностическими представлениями о возникновении мира, господство над которым пытается узаконить мрачный протоархонт... Придя в себя, Кондрат раскаивается и решает вернуть восковую книгу на выставку. Каково же его удивление, когда вместо восковой книги, спрятанной за пазухой, Кондрат обнаруживает комок обычного снега («Сид Вишес и протоархонт»).

© Парфин П., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Гемоглобин	6
Будильник Палермо	12
1	13
2	15
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Парфин Гемоглобов

Гемоглобов

С чумной головой Петя Тимченко в пять утра вернулся домой. На левом плече сладко жгли 20-минутной давности царапины: кошка Розенталь вцепилась в него в экстазе своими наманикюренными когтями... Заглянул в комнату, которую по-прежнему называл детской, глянул потеплевшим взглядом на жемчужную в утренних сумерках кровать. «Спит мое Ча-до. „Ча“ до того дня, когда сбудется положенное: любовь, высшее образование, работа, семья... и собственное Ча-до». Поправил стопку учебников на письменном столе, закрыл молодежный эротический журнал... зато обнаружил тетрадку в белой клеенчатой обложке. Прочел: «Ночник». Потом перевернул страницу: «Все ведут дневники, а я – ночник. Он белый, как белая ночь...» Тимченко нестерпимо захотелось узнать, чем живет его Ча-до, куда уводят его белые ночи...

12.04.

Иконка от Кондрата: «...Восстань против благоразумия!..»

Проснулся без трусов в колючем зверобое и душице на какой-то телеге. Приоткрыл глаза... Блин! Ее только здесь не хватало! Девушка с глазами цвета 555-х «Levis» говорит, что у меня между ног инсталляция пасхальных аксессуаров... Паразиты, они расписали мне яйца, а головку члена обмазали белковой глазурью и... это я им никогда не прощу... посыпали разноцветной присыпкой! Наверное, я был очень пьян в эту Пасхальную ночь.

Она отдает мне юбку, а сама остается в колготках. После этого я вспоминаю: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» Мы трижды целуемся. Ее язык пахнет хищной рыбой... Наверное, так пахнет акула. Акулу зовут Ален. Почти как Делона. Ален ведет меня на свою дачу. Соседка во все глаза пялится на мою мини-юбку. Знала бы она еще, какие у меня под юбкой писанки... Я хочу помочь Ален, просовываю руку в щель в калитке, чтобы открыть щеколду, и натыкаюсь на гвоздь. Ален делает то же самое, но сознательно, и прижимает свою рану к моей. «Теперь мы не расстанемся». Меня почему-то разбирает смех.

14.4. На шестом уроке физичка, наш классный руководитель, привела знакомиться новенькую. «Надо быть... ик... беспросветной душой... ик... чтобы... ик... переводиться в другую... ик... школу в конце года... ик... да еще на последнем уроке... ик...» Кондрат в стельку пьян. Еоворит, что ночью убил сборовца, кажется, даже заправка... Ого, а новенькая-то – это Ален! Она сразу увидела меня своими глазами цвета 555-х «Levis».

Иконка от Кондрата: «...Владимир Ленин оказался неправ, утверждая, что „материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени“. Оказывается, может – в Гемоглобове, этой гиперновой венозной реальности. Назвать Гемоглобов пространством – все равно что деревянного идола – Богом...»

В тот же вечер мы собираемся у Кондрата. Он протрезвел и показывает всякие забавные вещи: «браунинг», к дулу которого изолентой примотана цифровая камера «Sony», несколько фоток, на которых снят один и тот же бритоголовый. Да-а, фейс у него, конечно... Попадешь к нему в безлюдном местечке – стукнет молотком сначала тебе по черепу, потом – по крышке гроба. И никаких эмоций.

– Он первым напал, – рассказывает Кондрат. Губы его заметно дрожат. – Я как чувствовал. Не зря прихватил этот симбиоз, – кивает на «браунинг» с фотокамерой. – Теперь у меня есть доказательства. Я был вынужден обороняться.

– А менты? – отвернувшись от фоток, глухо спрашивает Палермо.

Кондрат молчит. Он обводит нас подозрительным взглядом: – Реликвии принесли?

– Что еще за реликвии? – спрашивает Ален. Она впервые в нашей компании. Кондрат и Палермо дуются на меня за то, что я привел ее.

Палермо молча достает из-за пазухи свои фотки, какие-то исписанные каллиграфическим почерком клочки бумаги, целую тетрадку и молочный зуб. Мы с Кондратом тоже вынимаем свои реликвии. Я принес бинт, перепачканный кровью, которым мне Ален перевязала на даче рану. Кондрат запасся засохшим презервативом.

– Ну и как я буду его сканировать? – пожимает плечами Палермо.

– Что-нибудь придумаем.

Мы относим реликвии в соседнюю комнату, к сканеру. Ален приходит в восторг от увиденного: в углах комнаты стоит по компьютеру. В центре, как на алтаре, висится сканер. От него к компьютерам тянутся десятки проводов и прозрачных трубок.

– Ух ты, сразу четыре компьютера! У вас тут что, клуб?

Кондрат мгновенно заводится: – Не называй их так! Это – комгемы!

Палермо сканирует по очереди наши реликвии – материализованную информацию о нас и, разложив ее на инфогемы, сбрасывает файлы каждому в его папку. Мы уже, наверное, неделю приносим сюда свое барахло. Кондрат железно уверен в успехе проекта. Это все он придумал. Правда, без Палермо у него ничего бы не вышло. Палермо – гениальный генетик-комгемщик. Таким он себя считает. Говорит, что научился сканировать молекулы ДНК...

Вдруг Ален прямо при нас снимает трусики и кидает их на крышку сканера. О-о! Палермо аплодирует, Кондрат свистит, а мне грустно. Одним словом, буря восторга!

Кондрат извиняется перед Ален, говорит, что четвертый комгем еще не собран, но через неделю он с ним разделается, и тогда – добро пожаловать в Гемоглобов!

Ален Делон не обиделась, она пьет томатный сок. Мы больше не парни с Красногвардейской. Мы – темы... Кондрат вводит мне в вену иглу. Я сижу напрягшись за своим комгемом. На секунду подняв глаза над монитором и увидев, как Кондрат склонился с иглой над Палермо, я впиваюсь взглядом в меню Гемоглобова. Готовлюсь к вхождению в этот «кровавый» (как я его про себя называю) Интернет.

Иконка от Кондрата: «...Теперь ты поймешь истинный смысл категории „потусторонняя жизнь“: ею, единственной, жили от рождения Адамова до рождения Гемоглобова...»

По тончайшему капилляру от меня плавно убывает моя кровь. Она движется в сторону гемикса – такой штуковины, без которой, как говорит Кондрат, невозможен его Гемоглобов. К гемиксу присоединены три гемовода – по ним поступает наша кровь, в гемиксе она смешивается и раскладывается на гемобайты, – и три транскабеля, по которым наши гемобайты транслируются в наши же комгемы... Два входа – один для гемовода и один для транскабеля – пустуют.

Я замечаю, что Кондрат не спешит вводить себе иглу. Он мило воркует с Ален.

– Ален, я завтра же соберу еще один комгем.

– Зачем?

– Я хочу почувствовать себя женщиной... как ты занимаешься сексом. Ален, ты занимаешься с кем-нибудь сексом?

– Да, с Эросом.

Ален бессовестно лжет. Она лишь целовалась со мной... Моя кровь все струится и струится по гемоводу. Когда я войду в Гемоглобов, гемикс с 10-секундным интервалом будет менять направление тока крови. Начнутся приливы и отливы алого сока. А это значит, что скоро в этой комнате произойдет невиданное кровосмешение, его плоды каждый из нас пожнет в Гемоглобове...

Иконка от Кондрата: «...Мой отец, этот первобытный пользователь РС, называет наш восхитительный венозный Гемоглобов неуклюжим ругательством „Интернет“. Никогда не прощу ему этого!.. Я уговорил мать бросить отца...»

На мониторе высвечивается предупреждение: «Внимание! Вы входите в сеть Гемоглобов». Я вижу сначала себя, лежащего полуголым в телеге... Потом у меня все плывет перед глазами...

Появляется вдруг в полный рост мать Кондрата в одном нижнем белье. Она очень красива. Я нервно вздрагиваю при ее появлении.

– Ратик, оставь в покое оружие. Это может плохо кончиться!

Я гляжу на свои руки: в них обойма, которую я ловко заряжаю маленькими бронзовыми пулями. Рядом лежит серебристый «браунинг». Я смотрюсь в его рукоятку. В ней отражается с пробивающейся первой щетиной лицо Кондрата.

– Все путем, мам. Я должен держать себя в боевой форме – вот и все! – я говорю голосом Кондрата. Со мной происходит что-то неладное: я не то курнул, не то глотнул какую-то колесную гадость. – А ты накинь халат. Скоро гемы ко мне придут.

– Тебе стыдно за мой вид?.. Ну ладно, – она, улыбаясь своим мыслям, уходит и уже на пороге роняет. – Хорошие у тебя друзья. Особенно Эрос. Он такой красавчик.

– В самом деле?! – вдогонку кричу я-Кондрат...

– ...В самом деле? – переспрашивает Палермо. – Кондрат, ты уверен, что эта кровь того парня?

– А кого еще?! – я ужасно психую. Мне такие психи не свойственны, но для меня-Кондрата они обычное дело. Я оглядываюсь, ища, на чем бы сорвать свою злость. Вокруг – бесчисленные справочники по химии, физике, генетике и море колб, трубок, склянок, проводов... На столе стоит разобранный комгем. Осознав, что я нахожусь в комнате Палермо, я успокаиваюсь. – Я вклеил только в того придурка, когда он полез на меня с молотком. Но я же показывал тебе фотки!

Палермо молчит. Отчего-то он боится смотреть мне в глаза...

Я вижу крупное фото. На нем бездыханное тело какого-то стриженного мальчишки. Где-то я его уже видел... Я склоняюсь над ним. Из раны в голове бьет ключом кровь. Я подставляю крошечный пузырек. Он мгновенно наполняется. Перед глазами у меня снова плывет...

– ...Ну вот, пришел в себя! – на меня насмешливо смотрит Кондрат. Он чужой. Он больше не я. Рядом стоит Ален с испуганными глазами и машет перед моим лицом полотенцем.

– Слабак ты, Эрос! – Кондрат беспощаден. – И трех минут не продержался в Гемоглобове. Бери пример с Палермо – его теперь оттуда клещами не вытянешь!

Глянув на Палермо, мне опять становится дурно: он взглядом врос в свой монитор, его глаза – это глаза вяленого карпа. Вдруг они мигают!

Иконка от Кондрата: «...Гемоглобов – это Вакх, способствующий плодородию твоего эго...»

Нонна Юрьевна делает мостик. Я искал комнату, где бы мог прилечь и успокоиться, и случайно попал в ее спальню. Мать Кондрата необыкновенно пластична.

– Подстрахуй меня, Эрос.

Я поддерживаю Нонну Юрьевну за талию, но не могу удержаться и трогаю ее голый живот. Он очень сильно накачен. Замерев в форме триумфальной арки, 37-летняя красивая женщина вдруг меняется в лице: – Такие юноши, как ты должны, бояться заниматься сексом!

Я сажусь перед ней на корточки и заглядываю в ее перевернутые «вверх ногами» глаза: – Но я не боюсь, Нонна... Я уже достаточно взрослый!

– Ты ничего не знаешь, мой милый мальчик. Природа нарочно усреднила сексуальные способности мужчин. Но, увы, всегда встречаются аномальные мужчины...

– Какие, «анальные»? – насмешливо перебиваю я.

– Анальным бывает секс, а мужчины – аномальными. Они способны заниматься аномальным сексом. Нет более счастливой женщины, чем та, которая переспала с таким мужчиной!

– Почему же тогда «увы»?.. Я что, должен буду умереть от избытка сексуального удовольствия?

– Нет. Удовольствие вдруг откроет тебе дорогу к страху. Ты станешь бояться умереть от страха смерти. И тогда возненавидишь всех женщин.

– Но почему?! – я больше не улыбаюсь, глядя в ее мигающие «вверх ногами» глаза.

– В голове у каждого мужчины есть участок мозга, который блокирует этот страх. У аномального мужчины это место особенно уязвимо. Сильный экстаз разрушит этот блок так же легко, как стихия защитную дамбу.

– Так что же мне делать?! Постричься в монахи?!

Нонна Юрьевна неожиданно выпрямляется, ложится на ковер, превращаясь из триумфальной арки в долину любви. Она хищно смеется: – Если ты не боишься умереть от страха... иди ко мне!

18.04.

Иконка от Кондрата: «...Ге-Мы! Мы – гемы... Гем, не ищи в словаре толкования имени своего. Гемы... У тебя есть что-то от поклонника Вакха, орфика, пифагорейца и раннего христианина. Но ты пошел дальше их! Грубые поклонники Вакха достигали божественного безумия, упиваясь вином. Аскетичные орфики достигали божественного безумия благодаря духовному опьянению. Точно так же поступали пифагорейцы и ранние христиане. Ты приходишь в экстаз, обменявшись кровью с близким другом...»

Ален больше не приходит. Может, она узнала, что я могу умереть от страха перед смертью? Кто ей это сказал?!.. Мы по 12 часов не вылезим из Гемоглобова. Я теперь не знаю, чьей крови во мне больше: Кондрата, Палермо или моей собственной. Я досконально изучил своих друзей (уверен, они меня тоже). Я был Палермо и дважды трахался с его девушкой в ее душном «фольксвагене»-«жуке». Я усвоил, как стряхивает с пениса капельки мочи Кондрат. Я, будучи опять же Кондратом, старательно разрисовывал яички спящего пьяного себя-Эроса. Но я всегда мгновенно выхожу из Гемоглобова, когда, вновь родившись Кондратом, наверное, в сороковой раз отправляюсь на сборы с «браунингом», к которому прикручена цифровая камера. Наверное, Нонна Юрьевна права: я действительно боюсь умереть от страха смерти.

Неожиданно сегодня после обеда появилась в нашей команде Ален. От нее струится какая-то невидимая сексуальная патока. Я затащил ее в ванную. Нонна Юрьевна чистила зубы. Она грустно улыбнулась мне и вышла. Я раздел Ален догола и посадил на раковину. Ален развела ноги, а я... Меня вдруг охватил дикий ужас, ноги подкосились... Ален в полном восторге: она подумала, что я потерялся перед ее наготой. Она набрала в соломинку томатного сока и, не выпуская один ее конец из своего рта, приблизила другой к моим губам. Я ухватился за него как утопающий за соломинку. Минут пять мы, дурачась, гоняли сок от одного края к другому, потом Ален его неожиданно проглотила.

Иконка от Кондрата: «...Гем, ты не веришь в переселение душ. Ты веришь в переселение своего эго в близкого друга. Когда к тебе вместе с кровью твоей возвращается твое эго, ты переживаешь высшую точку экстаза. Невозможно любить кого-нибудь сильнее, чем себя самого...»

Мы вчетвером сидим за компьютрами и в который уже раз становимся оборотнями. Ален, правда, решается на это впервые. Я становлюсь Палермо и выгуливаю его болонку Варту в городском парке. Апрель зеленеет миллионами почек и молоденьких листочков. Но вечереет почему-то по-осеннему быстро. По аллее ко мне приближается, громко матерясь и жестикулируя, толпа сборовцев, человек 30. Среди них я узнал Крюка. Внутри меня все похолодело: ведь неделю назад его похоронили! Крюк, словно прочитав мой страх, бьет меня в живот рукояткой молотка. От жуткой боли я сгибаюсь и падаю на колени. Варта надрывно лает, потом начинает жалобно визжать: наверное, ее кто-то пнул ногой. Я не способен больше контролировать ситуацию, слышу, что меня собираются принести в жертву, кто-то кулаком заезжает мне в правый глаз. «Досить, пацани. Сьогодні у мене гарний настрій!» – смеется Крюк, и парни идут дальше. Неожиданно Крюк останавливается, я напрягаюсь, готовясь к новой боли, но вижу, как тело запрова несколько раз вздрагивает, будто он танцует незнакомый мне психоделический танец, и Крюк тяжело падает спиной на землю...

Как мне осточертела эта гемоглобовская чернуха! Я уже поспешил выйти из Гемоглобова, как вдруг мою голову будто тисками сдавило. Аж метелики в глазах замерхтели! В тот же миг мою грудь, чуть ниже сердца, пару раз пробивают раскаленным прутом. Но я не успеваю разглядеть эту сволочь – падаю назад и сильно ударяюсь головой об утоптанную землю. При этом чувствую такое, чего еще никогда в жизни не испытывал: как во мне, звеня, убывают силы, как из раны на голове с нестерпимым жжением льется кровь. Кто-то темный и расплывчатый вырос возле меня, резко опрокинул свое лицо в мою сторону... Я с трудом узнаю Кондрата. Этого лоха из соседнего дома я не раз бил... У-у, какая у него паскудная харя, он что-то шепчет, но я не разбираю. Мне ужасно дерьмово, мне больно...

– ...Вставай!! Беги их разними! – Палермо орет мне прямо в ухо и бьет по щекам. Я вынимаю из вены иглу и кидаюсь разнимать Кондрата и Ален. Я никогда не видел ее такой: закусив губу, она вцепилась в волосы Кондрату и бьет его коленкой между ног.

– Иуда!.. Иуда!.. Иуда!.. Ты предал своих друзей!

Вдруг Кондрат, увернувшись, бьет Ален в живот ножницами, которыми она четверть часа назад открывала пакет томатного сока. Ален, открыв рот, падает на Кондрата и обнимает его. Но Кондрат скидывает ее с себя и бежит из комнаты. Я бросаюсь за ним, но опаздываю: Кондрат запер дверь.

– Скотина!! Я все равно достану тебя!

– Володя, – впервые за три года обращается ко мне по имени Палермо, – Ален зовет тебя.

– Эрос, я была им, – Ален выдавливает из себя слова, словно тюбик остатки зубной пасты, – я была Кондратом... Я все видела... Он нас обманул... Это не было самообороной. Эрос, он нарочно убил того парня. Он и меня заставил это сделать!! Я собирала кровь в пузырьки из-под глазных капель!.. И там был рядом... – лицо Ален искажает болезненная гримаса, – там был Палермо...

– Палермо?! Ты?!

– Я потом все расскажу, Володя. Потом. Сейчас надо спасать Ален – она истекает кровью.

Я переносу Ален на кровать, застеленную пледом. Снимаю с Ален блузку – на розовом пледе тут же расплывается бордовое пятно. Палермо нашел бинт, я, как могу, перевязываю живот Ален. Порывшись в шкафу, нахожу стопку простыней, кидаю их Палермо.

– Связывай эти простыни. Спустишься по ним и вызовешь «скорую»!

- Но это же шестой этаж!
- Связывай и рассказывай!!

Мы стали вместе вязать постельный канат, я бросал взгляды на сразу же осунувшееся лицо Ален и слушал сбивчивый рассказ Палермо.

– ...После того как сборовцы убили Сашу Жемчужину – любовь Кондрата, он решил провести «жлобскую чистку». Кондрат говорил, что все менты заодно с заправками и главарями повыше и что, кроме него, больше некому бороться с быками и жлобами... Не знаю, где он достал цифровую камеру, но «браунинг» у него точно от его деда, старого комуныки-полковника. Меня он использовал как приманку...

Иконка от Кондрата: «...Гем! Ты очищаешься, обменявшись своим эго с близким другом...»

Ален неумолимо тает, как льдинка на ладони. Полчаса назад я проводил Палермо. Обняв меня, он полез вниз по связанным простыням. До сих пор от него ни слуху ни духу. Я пишу эти строки, сидя в ногах Ален. А она будто спешит расстаться со мной, сочно истекая кровью.

Я хватаю Ален и переносу ее, уже даже не стонущую, к компьютеру (сейчас не до игры в комгемы!). Мне страшно при мысли о том, что я затеял. Включаю машины, ввожу одну иглу в вену Ален, другую – себе. Вхожу в Гемоглобов, ввожу данные Ален и только после этого включаю электрический насос. Кондрат (будь он проклят!) назвал его гемиксом. Теперь он будет качать мою кровь только в одном направлении – в вену Ален. Только так, через Гемоглобов, можно сказать через жопу, я смогу поделиться кровью с моей Ален.

Стараясь не глядеть на монитор, я наблюдаю за Ален. Я ощущаю во рту вкус незнакомой сладости, мне хочется одновременно и смеяться, и плакать. Но только очень тихо, чтобы не потревожить чуткий сон Ален. Она спит. Ей снюсь я, только очень юный, с мягкими, нежными чертами. Они проступают на милом лице самой Ален. Я вглядываюсь в него и неожиданно для самого себя открываю: я был бы, наверное, красивой девушкой, если бы родился ею. Кто бы смог описать мои ощущения?..

Иконка от Кондрата: «...Я собираюсь поведать Богу обо всех своих невзгодах, Когда попаду домой...»

...Тимченко, в который уже раз взъерошив свои волосы, перевернул страницу и вдруг увидел, что последние строки написаны совершенно другим почерком с округлыми ровными буквами:

«Я перечитала ночник. Комгемы, Гемоглобов, гемикс... Сейчас мне это кажется таким странным и... ненужным. Я научилась радоваться простому и доступному, тому, что наконец наступила весна, что распустилась и я, что завтра прямо утром, в десять, мне бежать на свидание с Вовкой. Я люблю моего Эроса...»

- Па, который час? – раздался невнятный спросонья голос.
- Ален, ты жива?!.. А где Палермо, Эрос... и все остальные?

– Па, ты че, не доспал сегодня? – Ленка, как две капли воды похожая на отца, соскочила с кровати и, потянувшись гибким телом, в два прыжка оказалась у стола, на котором стоял будильник. – Полдесятого, слава Богу, а то я испугалась, что проспала... А-а, ты тут втайне от меня сюр почитываешь!

- Какой сюр? Разве это не твой ночник?!

– Па, ночник – это горшок. А это... – Ленка захлопнула тетрадь, которая оказалась вовсе не тетрадь, а книгой в мягкой обложке. На ней Тимченко прочел то, что не смог разобрать в утренних сумерках: «Павел Парфин. „Гемоглобов“. Сумы. Самиздат».

Будильник Палермо

* * *

На День влюбленных, 14 февраля, Кондрат Гапон неожиданно выкинул финт: подарил Палермо крошечный, шестидюймовый телевизор «JVC». Все было бы ничего, если бы Гапон не подписал мелом на экране: «Любимому Палермчику от любящего Кондрата». Да-а, учудил, так учудил! Эрос с Ален еще долго подкалывали Палермо, все пытались выяснить, кто из них двоих, Кондрат или Палермо, активный Валентин, а кто пассивный. Но Палермо ни разу даже не улыбнулся. Вообще никак не отреагировал на подколы друзей. А чего на них обижаться, что ли? Шуточка в духе Кондрата, он и не такое вытворял, гораздо хуже и обидней бывало. А тут телевизор. Нормальный. Работает. Чего ж от шарового телека отказываться? «JVC» – марка известная... Поинтересовался только у Гапона: «Где взял?» – «А! – отмахнулся он небрежно, будто речь шла и в самом деле о пустяке. – На пустыре. У малолеток отнял.» – «Не понял?» – «Ну, на Ковпака, знаешь, есть одно запущенное местечко? Сорняком заросло, пипл даже картошку не сажит. Зимой там вечно ветрюган злощий, бр-р!.. Короче, какие-то пацанчики устроили чемпионат по стрельбе: по очереди швыряли кирпичами по телевизору.» – «По этому, что ли?!» – «Вот именно. Типа, кто самый меткий. Ну а я сказал, что щас всем по ушам настучу. Они разбежались, а телек остался. Мне он на фиг не нужен – дома два „панаса“ стоят. Вот, дружище, дарю тебе. Смотри, блин, свой „МУЗ-ТВ“, тьфу!»

Палермо от шары никогда не отказывался, шаровой телевизор ему попался впервые. В нем западала кнопка включения – мелочи жизни. В остальном телек был цел-невредим. Даже не верилось, что в него кидали камнями. Палермо быстренько разобрал, подпаял, поставил на место кнопку, а сам телевизор установил в своей комнате. Рядом с компьютером, книжной полкой и вылинявшим, доставшимся еще от отца портретом Дженис Джоплин. Так у парня появилось второе, после компа, окошко в виртуальный мир.

А весной, не то в конце апреля, не то в начале мая, к этой чудной компании присоединился будильник. Ну да, самый настоящий механический будильник. Достался он парню так же, как и телевизор, – на шару. Как-то, возвращаясь от однокашника домой, Палермо шел через старый городской парк, случайно наткнулся на горстку шумливых подростков. Пугая ворон уже ломающимися голосами, дерзко гогоча, мальчишки расстреливали часы из пневматической винтовки. Палермо отнял у них будильник, как отнимают у живодеров бродячего котенка или щенка. «Как отбирают у чертей живую душу», – так скажет потом один знакомый Палермо, очень странный кузнец... А малолетки и в самом деле смахивали на бесенят: в озлобленных глазенках кровавые блики горят, кожа над бритыми лбами подозрительно набухла, словно готовясь вот-вот выпустить чертовы рожки...

Палермо дал пацанам пятерку, отчего те тут же перестали галдеть, а заморыш будильник засунул за пазуху. Удивительное дело, на корпусе часов не было ни одной свежей царапины, ни одной вмятины от пуль. «Мазилы, – усмехнувшись, подумал Палермо. Потом вдруг психанул. – Вот, блин, время! Ничего его не берет!» Будильник Палермо оставил себе. В отличие от Кондрата он не любил делать подарки.

1

С той поры Палермо стало казаться, что он поймал время на удочку. Устроил времени настоящий ад... Он был вынужден сделать это – последние месяцы кряду чувствовал, как время, точно силы, покидает его. С какой-то зловещей, необъяснимой настойчивостью и последовательностью. Взамен – эрзац-время. Попкорновое время! Время на пустые, нередко гнусные дела, пустые, бестолковые разговоры, от которых ломит лоб, горит в горле, как при ангине. Эти разговоры, как правило, до добра не доводили – заводили на обиженные пустыри, озлобившиеся заулки сознания. Да, большинству юных свойственен болезненный максимализм, нестерпимое, неутолимое желание всех и вся. Но не до такой же степени, до какой доходил в сердце и мыслях Палермо... Он был вынужден обуздать время. Но лишь после того, как окончательно понял: у него его просто нет. Времени – больше нет!

А в это время так не хватало его – настоящего, плотного времени!..

Палермо всюду трудился над сайтом «Поколение экзи», в котором хотел рассказать все, что знал о самом себе и своих друзьях. Рассказать, разумеется, не друзьям и не близким, а далеким, живущим, возможно, в совершенно ином времени и реальности. Потомкам или предкам. С некоторых пор Палермо верил, что интернет, раз возникнув, не исчезнет никогда; вопреки всем известным законам физики он способен распространяться в любом произвольном направлении. В пространстве и времени, мыслях и чувствах, реальных стихиях и воображении, раю и аду... Откуда возникла такая дикая, как назвал ее Кондрат, идея? А фиг его знает. Однажды пришла ему в голову, засела, – и Палермо сразу, не подвергая сомнениям, принял эту идею. Как аксиому. Будто и не им порожденную.

Он трудился не покладая рук... Ложь! Все, абсолютно все валилось из рук. Работа над сайтом шла наперекосяк. Сайт – насмарку! Но Палермо не желал сдаваться. Поначалу, как кот, пытался замурлыкать действительность, поймать в молодые, цепкие когти сознания не мелочь пузатую, а ключевые фишки-мышки сегодняшних дней. По кирпичикам собирал сайт из экзистенций пацанов и девчонок, предков-родителей, учителей, соседей, старых знакомых – всех, кого знал давно и почти как себя. Из их характеров и судеб сложил что-то вроде фундамента «Поколения экзи». Затем переключил свою память на, казалось бы, совершенно случайных людей, с которыми жизнь пересекла лишь однажды и больше не строила планов на повторение встреч... Как большой удаче теперь радовался любому мелкому эпизоду. Делал ставку на малое. На один лишь рваный билетик в троллейбусе, на один долгий взгляд в очереди за молоком, на одну затяжку сигареты, на один матюк, на одну единственную радость, случайно украденную в глазах незнакомой девушки, улыбающейся не ему, Палермо, а какому-то парню, который поцеловал ее и ушел, может быть, навсегда...

Из экзистенций, как из глины, соломы и навоза, яичных желтков и крови, Палермо строил глинобитный портрет «Поколения экзи». Решив отвести ему в Сети многостраничный альбом-сайт. Вдохновляясь грандиозностью замысла... Как бы не так! В животе подташнивало, голова кружилась; мысли, едва-едва просеянные сквозь сито сознания, подлое время немедленно смывало, словно рисунок на песке. Отлив времени уносил Палермо в непроглядную даль, на необитаемый остров... Хрен, если б необитаемый! Повсюду тусовались табуны таких же, как он, пустотелых, пустоголовых пацанов и девиц. В барах, кафешках, танцевальной «Клетке» в старом городском парке, по пятницам и выходным принимавшей добровольных узников. Никого не трогали ни тощие кошельки родителей, ни подорожавшие «маршрутки», ни сумасшедшие цены на сало и прочую жрачку, ни беспредел таких же, как они, подростков, ни сотни смертей заложников и шахтеров, ни назойливые призывы посадить всех бандитов и обустроить страну... Теленовостям и политрекламе они предпочитали «Linkin Park», «Ramshtein»

и анекдоты Трахтенберга. Из агитационных листовок, которые, случалось, попадали им в руки, они, ни чуть не смущаясь, скручивали папироски для драпа.

Пили, обкуривались, сношались – трахались прямо на сыром замшелом столе, что в их дворе среди яблоневых и грушевых соглядатаев. А потом, сгрудившись вокруг того же стола, под неумолчный плач деревьев поминали кого-нибудь из своих – допившегося, обкурившегося или продырявленного стальным прутом. Такими же, как они, только с другого двора. Вместе летели к запредельной черте, казалось, с одинаковой, неумной поспешностью. Но доходили одиночки. И больше не возвращались, приняв из рук смерти ключи от своего ада...

Палермо, правда, особой активностью не отличался. Зачинщиком в их компании никогда не был, спал с одной единственной, пусть и намного старше его, женщиной. Даже драп любил не очень... Нельзя сказать и обратное, что во всех их вылазках и сборищах он участвовал исключительно по принуждению. Скорее, из соображений мальчишеской солидарности, из-за прямо-таки болезненной потребности быть причастным к общему делу. К их, пацанскому, делу... А может, просто боялся остаться один.

Так или иначе, наступал момент, когда Палермо, совращенный безнаказанным временем, посылал к чертовой матери сайт. Все посылал! Шел пить вместе со всеми, накуривался до одури, затем поднимался на четвертый этаж трахать бабенку, у которой муж не то где-то плавал, не то уж откинул ласты... По утрам его жутко рвало, став на колени перед унитазом, он освобождал плоть для новых грехов, запивал позор марганцовкой, а его тщедушная экзистенция не имела права даже пискнуть. За спиной гнилое время умывало руки, ждало нового удобного случая, чтоб вконец раздавить, уничтожить парня.

Потом настал тот день. Фиг знает, какое это было число. В доме Палермо отродясь не водилось календарей, на компе он нарочно не выставлял дату и время. Зато с книжной полки с садистской пунктуальностью расстреливал его тесный мирок старый механический будильник. Тот самый, который Палермо когда-то спас от расстрела. Пузатый динозавр, неблагодарная железка, судя по тому, с каким презрением он выплевывал время, не особенно жаловал своего хозяина. Палермо просто ненавидел его, но отчего-то терпел.

2

Однажды, когда очередной прилив лживого времени вернул парня обратно в его дрожащий мирок, Палермо подумал, что на этот раз ему точно кранты. Вывернутый наизнанку, с раскалывающейся с похмелья башкой, он облазил на карачках вдоль и поперек свою комнату. Тщетно пытался отыскать таблеточный круг спасения. Нелегкая, очень нелегкая доля юного грешника занесла его и на книжную полку. Одному Богу известно, как Палермо, битый час ползавшему на четвереньках, удалось встать на ноги – и вместе с парой-тройкой книг смести вниз ископаемый будильник.

Однако от удара об пол старая колымага идти не перестала. Напротив, часы застучали с еще большей силой и ожесточением, каждой новой секундой ударяя, словно обухом по голове.

Разрываемый невыносимой головной болью, Палермо запихнул чертов будильник под кровать, в коробку с обувью. Пускай там, сволочь, мечет свое черное время!

Прошло еще бог знает сколько дней. Палермо пару раз бесплодно дергался, пытаясь продолжить работу над сайтом, но неостребованные экзистенции разбегались от него стаей пуганых мышей. Приближался новый отлив времени, готовый затянуть парня в очередную круговерть грехов и падений. За окном бесстыже оголилась слезливая, промозглая явь; осень дурела от собственной неполноценности; тело ее, в багряных и ржавых ссадинах, осыпалось и путалось под ногами.

Осень и вынудила Палермо снова стать на карачки, вытянуть из-под кровати вместе с парой надежных зимних шузов двенадцатизарядный маузер – его старый механический будильник. Подлюка, он шел по-прежнему! Как же Палермо обрадовался этому допотопному компасу времени... что даже передумал идти на пьянку. Предательский отлив еще пытался вымыть почву у него из-под ног, наполнить его непутевую голову голосами друзей, визгом девиц, вспышками яростного веселья и страсти – все было напрасно. В Палермо уверенно пробудился дух изобретателя и творца. Дух, который еще совсем недавно распутное время развеивало по ветру. Теперь парня волновало, не где снова набраться, курнуть и с кем перепихнуться, а совсем иное. Палермо вдруг стало интересно с самим собой. Жутко интересно, как эта несовершенная заводная машина столько времени работает... без завода. Неделю, месяц? Да нет, больше. Тогда, когда он запихнул его под кровать, стояло страшное пекло; перед этим ему приходилось заводить будильник раз в сутки. А сейчас... Этот чертыка пашет, как проклятый! Надо ж, как его шандалахнуло об пол.

Палермо попробовал разобрать будильник. Разобраться, какие его колесики-шестеренки свихнулись. Но из этой затеи ничего не вышло. Винтики словно приросли к корпусу часов. Ну и фиг с ними! Палермо не долго мучился и вообще не расстроился – мысли тотчас выбрали нужное направление. Он вспомнил о сайте, что-то подсказывало ему, что сегодня ему подфартит и он существенно продвинется в работе над ним. Палермо включил комп, затем магнитола – тюнер на компьютере полетел еще месяц назад. Выбрал первую попавшуюся ФМ-станцию. Затем вернулся к компьютеру, настроил радиомодем на волну – и процесс пошел. В течение 15–20 минут он записывал на комп все подряд: новости, хиты, концерты по заявкам, болтовню диджеев, рекламу, дурацкие приветки друг другу... Но это жизнь, – Палермо прекрасно понимал.

Засучив рукава, он взялся оцифровывать радиоэкзистенции, вместе с радиогарниром добавлял к живому мясу сайта. Контент рос, как на дрожжах, грозя вот-вот выйти из-под контроля. Рано или поздно должен был настать момент, когда Палермо поймет, что он больше не может, что сайт не свалка, не кладбище их экзистенций и судеб. Не радио – реальных, черт побери!

И этот момент настал.

«Все, на сегодня хорэ». В тот день он дрался, как лев, но времени отлив бился за него еще отчаянней. Бился до конца – не уходил, не отступал, непрерывно звал парня за собой. И Палермо уступил. Щас он покурит и, может, в самом деле махнет к пацанам. Кондрат с утра звал, обещал поправочных телок... Уже заранее расслабившись, выключив компьютер, он потянулся к магнитоле, хотел выключить и ее, но промахнулся и угодил пальцем в колесико настройки. Крутанул его невзначай и вдруг явственно услышал тиканье часов. Блин, да так громко! Радио тикает, а в комнате эхо раздается... Палермо не сразу сообразил, что то не эхо – то его будильник вторит странной радиоволне. Один к одному повторяет ход радиочасов.

Стоп! А будильник ли это попугайничает?

В сердце вдруг укололо; Палермо почувствовал, как живот плющится, будто из него удалили весь воздух... Набрал номер Эроса: «Включи радио, 105 и девять.» – «Песенку, что ли, заказал?» – «Нет. Включи, говорю! Потом объясню... Ну, что там?» – «Да ничего... Часы какие-то.» – «Часы?! Спасибо! Пока!»

Предчувствие подсказывало: это не просто часы. Точнее, ход не обычных, безымянных радиочасов, а его будильника транслируется сейчас на волне 105,9. Кому, интересно, пришла в голову такая бредовая мысль?.. Да никому! Палермо хлопнул себя по лбу – возбуждение росло в нем с каждой секундой.

Он яростно тер виски, словно это вовсе и не виски были, а две мгновенных лотереи – потри их особым образом и тебя обязательно ждет удача. А почему бы и нет? Открытие – чем не удача? Для Палермо – неопенимо большая удача... Нет, неужели время и в самом деле имеет волновую структуру? Но ведь это полный улет: у времени волновая природа!.. Хм, вообще-то он и раньше об этом догадывался. А сейчас – доказательство налицо! Вернее, доступно его слуху. Стой, а может, его и вправду можно увидеть?

Немедленно потянулся к пульту, включил «JVC», настроился на 105,9 и... обмер от неожиданности. Экран неожиданно приобрел неприятный болотистый оттенок – такого Палермо ни разу не видел. Легкие помехи и плывущие кадры с соседних каналов почти сразу уступили место зловещей картинке: диковатый рогатый лик глумливо улыбался Палермо, щелкал языком, как хвостом. Щелкал: тик-так, тик-так...

3

Дьявольская личина принадлежала подлинному дьяволу. Царя демонов звали незнакомым Палермо именем – Виорах. Странное имя, странный, невообразимый ад – огни вместо снежных вершин, огни вместо луж и лужаек, пепел вместо бессмертия... Там столько странного, поразительного для ясного ума и большого воображения! Но Палермо ничему не удивлялся, однажды очутившись в аду. Старался, изо всех сил старался не удивляться. Да и как можно удивляться тому, что невозможно постичь при жизни? Смерть не постичь при жизни!.. Но Палермо и не думал умирать, наоборот, был уверен, что по-прежнему жив, а значит, нет резона и удивляться, ведь все равно не постичь того, что еще не дано... Боже, в аду, как ни в каком другом месте, остро ощущается неотвратимость бега по кругу.

Но ад явился перед ним не сразу. Рогатый владыка дал парню время завершить эксперимент. Словно знал, да что там, конечно, знал, что тот ему еще пригодится. И без всякого эксперимента...

Надо же, он догнал волновую природу времени! Трудно поверить... Палермо не долго смаковал открытие. Увлеченно продолжил эксперимент: решил проверить, не является ли источник радиовремени одновременно и его приемником.

Снова включил комп, радиомодем остался настроенным на волну 105,9... Задумался, по обыкновению скребя в выбритом затылке. Чего б такое скачать во время? Чем разбавить эту посекундную, паскудную тягомотину? Ведь каждый день одно и то же – одно и то же сползание в луженую глотку смерти. «Смерть – это всего лишь победа времени» – сказал кто-то умный, а другой высказал мысль еще пакостней: «Жизнь – это всего лишь условие для восприятия смерти». Ну нет уж, Палермо с этим категорически не согласен! Он даже нарочно порезал себе палец – глядите, кровь, он проявил волю и мужество, доказал, что жив. Он жив даже тогда, когда поутру, после великого бодуна, его выворачивает наизнанку. Или он приходит в себя между чужими ногами, которые уже не оживит никакая святая вода. Да, он и тогда – жив! Боже, да ведь жизнь не добродетельный мякиш, он уже понял, жизнь – это... Длиннющий список файлов с забойными похождениями последних дней, недель отправился по адресу 105,9. Кайф, ржачка, жрачка, глюки, обломы, оргазмы, сперма, бредовые темы – и невыносимая, беспредельная пустота. Хм, удалось ли сохранить-передать все грехи?

Они даже не грешили. Незаметно, трусливо перескочили порожек греха. «Упали ниже плинтуса», – однажды отважилась на бунт Ален. Но тут же испуганно сползла к ногам любимого Эроса. Так же обреченно сползает закатное солнце, ища за горизонтом успокоение после напряженного, воинственного дня.

Да что там – не только Ален, они все сползали за роковую черту, как солнце за горизонт. С одной существенной разницей: светило поутру воскресало, им же воскресение навряд ли светило. Напротив, им суждено было опускаться все глубже, все ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.